

УДК 316.344.32
DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-98-106

Интеллигенция как институциональный продукт и ресурс неформальных практик

Валентина Ф. Левичева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, levvf@mail.ru*

Сергей Л. Диманс

*Московская государственная академия физической культуры,
Москва, Россия, dimsl51@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагается методологический подход, с позиций которого феномен интеллигенции рассматривается как особая политическая субкультура, определяемая институциональной спецификой российского общества. Основное внимание уделяется двум вопросам: насколько интеллигенция соотносится с внешней институциональной средой и в какой степени от нее зависит само институциональное пространство общества?

Ключевые слова: интеллигенция, социальные институты, институциональный этатизм, неформальные практики, политическая субкультура, группы интересов, социальный контракт

Для цитирования: Левичева В.А., Диманс С.Л. Интеллигенция как институциональный продукт и ресурс неформальных практик // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 98–106. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-98-106

Intelligentsia as an institutional product and resource of informal practices

Valentina F. Levicheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, levvf@mail.ru

Sergey L. Dimans

Moscow State Academy of Physical Education, Moscow, Russia, dimsl51@mail.ru

Abstract. The article proposes a methodological approach, from the standpoint of which the phenomenon of intelligentsia is considered as a special political subculture, formed by the institutional specifics of the Russian society. The authors focus on two main issues: correspondence between intelligentsia and external institutional environment and the extent to which the institutional space of the society depends on intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, social institutions, institutional etatism, informal practices, political subculture, interest groups, social contract.

For citation: Levicheva VF., Dimans SL. Intelligentsia as an institutional product and resource of informal practices. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*. 2018;4(14):98-106. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-98-106

Чтобы понять, что происходит с интеллигенцией в современном обществе, ее надо рассмотреть сквозь призму действующих социальных институтов, т. е. институциональных императивов и соответствующих им социально-экономических норм, правил и ограничений. Существовая в неформальной области как некая политическая субкультура, интеллигенция является, с одной стороны, отражением внешней институциональной среды, а с другой – она влияет на эту среду.

Возникают два естественных вопроса: как интеллигенция соотносится с внешней институциональной средой и в какой степени от нее зависит институциональное пространство общества?

Социальные институты – это, по сути, способ господства общества как некой целостности над отдельными его частями. Общество передает эту функцию государству. В результате институты, созданные государством, стоят не только над отдельными индивидами, их группами и статусными слоями, но и над всем обществом. Более того, институциональная реальность активно структурирует общество, создавая паттерны с четкой логикой развития. В том числе и интеллигенцию. Как чисто российский феномен (что убедительно показали многие авторы) она не может быть институционально случайной.

Но нельзя отрицать и субъектную роль интеллигенции, ее роль в поддержании старых и создании новых институтов.

Конечно, можно возразить, что российское общество как институциональная структура рушилось и возрождалось вне прямой связи с ответствующей интеллигенцией. Однако можно доказать и обратное – интериоризированные ценности и социальные практики интеллигенции не раз определяли вектор российского институционального выбора.

Концептуализация феномена интеллигенции в качестве политической субкультуры позволяет понять истоки стихийного, неорганизованного ответа образованной части общества на конкретные институциональные вызовы, характерные именно для России.

Если говорить о Российской империи, то превращение и консолидация образованных слоев населения в интеллигенцию – это

реакция разночинцев и части дворянства на этатизм самодержавной власти, ограничившей пространство свободы личности. Интеллигент, будучи, по меткому выражению В. Куренного, «всесторонним дилетантом», наиболее болезненно реагирует на любые запреты, считая себя свободным человеком в несвободной стране (см. об этом: [1 с. 9]).

Практически во всех обществах, в том числе и в устоявшихся демократиях западного типа, наличный институциональный порядок обеспечивает соблюдение правил под угрозой принуждения и с точки зрения индивидуальных и общественных свобод устраивает далеко не всех. Однако на Западе фрондирование левых и правых интеллектуалов всегда было маргинальным и никогда не делало политическую погоду в стране. Кроме того, образованные слои населения активно вовлекались в структуры представительной власти, самоуправления и гражданского общества.

Остановимся на современных интеллектуалах западного типа, влияющих на формирование государственных институтов. Это влияние имеет значение.

Во многом именно интеллигентские коммуникации 1970–1980-х гг. распространили и внедрили в общественное сознание то догматическое западничество, на основе которого утвердились рыночные иллюзии начала 1990-х гг., и это напрямую повлияло на институциональный процесс при переходе к реальному рынку, создав неимоверное количество институциональных «сорняков».

В начале 1990-х в общественном (массовом) сознании россиян не было даже намека на ценности рыночной экономики. Поэтому навязывать рыночные отношения нерыночному обществу в одночасье было так же наивно, как сжигать деревянных идолов, чтобы обратить людей в христианскую веру.

Сегодня многие утверждают, что институциональный процесс находится под полным контролем административной элиты страны. Но и интеллигенция несет свою долю ответственности, поскольку многие современные социально-экономические институты строятся на идеях, мифах и пристрастиях, некогда разработанных в недрах ее политической субкультуры.

Стоит отметить, что множество (если не большинство) неформальных практик и субкультур являются более консервативными по своей природе, чем институциональные конструкции, и устойчиво воспроизводятся поколениями. (Более подробно эту мысль авторы развивают в книге «Люди и нормы: институты VS неформальные практики» [2].)

Свою роль сыграло и свойственное интеллигентской субкультуре нигилистическое отношение к государству. В начале 1990-х в экс-

пертных кругах страны был сделан вывод, что при переходе от рынка к рынку регулирующая роль государства должна снижаться. В Китае в начале 80-х был сделан полностью противоположный вывод: по мере развития рыночных отношений роль государства должна увеличиваться. Прежде чем приступать к рыночным преобразованиям, надо не только сохранить, но и укрепить существующие государственные и общественные институты. Без них императивы управления теряют свою институциональность, а индикативы превращаются в фикцию¹.

Советская интеллигенция породила такое явление, как младореформаторы, которые продемонстрировали всему миру пример несгибаемого ортодоксально-либерального нормотворчества. Рынок – «через 500 дней» (1990), закон о свободе торговли – «к следующему утру» (1992), свободные цены – «на завтра» (1992), приватизация – «за 5 лет» (1992–1996), плавающий курс рубля – не дожидаясь положительных изменений в структуре экспорта, и т. д. Сопровождающие этот экономический сюрреализм оптимистические картины светлого будущего можно рассматривать как повод для диагноза – «институциональный невроз».

Младореформаторы постоянно апеллировали к социальной реальности, которой не существовало. При формировании институтов и создании законов и нормативных актов это особенно губительно.

Как показала практика, «пересаживание» социальных институтов из одного общества в другое в надежде повторить успех крайне редко приводит к положительному результату. Одни и те же институты в различных социально-исторических условиях демонстрируют разную эффективность. Практически ни один институциональный опыт не может быть универсальным.

Янош Корнай назвал подобные экономические институты-трансплантаты «пластиковыми копиями Уолл-Стрита». Они выглядят точно так же, как оригинал, только не работают.

Приобрести «пластиковую копию» не составляет труда. В современном мире «рынок институтов» не только образное понятие, но и весьма конкретное явление. Процесс заимствования институтов не только не возбраняется, но напротив – поощряется. Этот рынок – бесплатный. Вернее, бесплатно право на имитацию. Малая

¹ В одном частном разговоре в начале 1990-х известный китайский политолог, наблюдая за тем, как в России разрушаются государственные структуры, сказал об этом довольно образно: «Неужели в России никто не понимает, что государство – это серьезно. Без него то, что плохо стоит, можно только опрокинуть, а то, что плохо лежит, – только украсть».

часть интеллигенции как раз и является той группой интересов, которая по открывшимся каналам коммуникаций освоила идеи, категории и язык западных социальных наук и подтолкнула страну в расставленную «институциональную мышеловку».

В защиту либеральных ценностей выдвигались аргументы, согласно которым в рыночных законах 1990-х не было ничего плохого, кроме того, что они не исполнялись. «Лекарство» было назначено правильное, но «пациент» не следовал предписаниям «врача». Эти аргументы также взяты из копилки интеллигентских пастырей прошлого, некогда ходивших в народ, а теперь сидящих в сети.

Законы до сих пор сплошь и рядом принимаются безотносительно к существующим формам жизни российского общества и его культурно-ценностным установкам, не говоря уже о прочих ограничениях. Чего только стоят все попытки отрегулировать малый бизнес и самозанятость. Причем это происходит под общие рассуждения об удручающем состоянии российского институционального ландшафта. Более или менее успешны лишь институционально слабые формы правительственных постановлений в дихотомии «разрешить / запретить», и то не всегда.

Переиграть неудачный вариант институциональных реформ очень непросто. Полный демонтаж формального наследия 90-х невозможен, а его трансформация постоянно требует непростых политических решений. Экспертное сообщество, которое представляет собой «выживший слой» интеллигенции, буквально заваливает власть советами, но из-за неэффективных институтов какие-либо советы на макроуровне оказываются совершенно бессмысленными. Любая дельная мысль упирается в институциональные ограничения. Экономические советники власти фактически вещают в пустоту.

Винить в этом властных чиновников тоже нельзя, поскольку, с их точки зрения, «хорошие советы» при данных возможностях управления не стоят ничего. Кроме того, рекомендации экспертов рисуют светлое послезавтра, а правительству надо знать, «что делать завтра, если сегодня начнем»².

Российская «институциональная мышеловка» не является чем-то из ряда вон выходящим. Но именно российский опыт позволяет оценить практику институциональных заимствований как сугубо порочную.

Время от времени различные группы интересов инициируют попытки заключить некое подобие социального контракта между

² В этом смысле наиболее характерен доклад «Института современного развития» (ИНСОП) «Россия XXI века: образ желаемого завтра» [3].

властью и обществом. Известно, что летом-осенью 2003 г. переговоры о таком контракте велись между властью и представителями нескольких крупных групп влияния (РСПП, «Деловая Россия», «Опора», гражданские организации). Была создана антикризисная группа, которая начала работу над программой, названной «новым общественным договором». Но президент избрал другой путь – укрепил административную вертикаль и перевел рычаги управления на себя. Этот вариант был поддержан общественным мнением.

В качестве еще одного примера можно привести общественный договор «Выборы-2003», отразивший этические правила ведения предстоящей избирательной гонки в Государственную Думу. Под этим по сути кодексом чести поставили свои автографы все самые именитые в России политики, за которыми стоял их партийный электорат. Но если в тот год выборы прошли более или менее демократично, то уже в следующей думской избирательной кампании административный ресурс заработал в полную силу.

Перед президентскими выборами 2012 г. в докладе «Института современного развития» (ИНСОР) «Россия XXI века: образ желаемого завтра» его авторы призвали будущего президента использовать свой мандат и предложить обществу новый социальный контракт. Его главное условие: максимальное невмешательство власти в дела народа и свободное вмешательство народа в дела власти.

Перед самыми выборами появился другой документ – «Общественный договор об условиях легитимности демократических процедур формирования власти в России», призывавший либеральную общественность и претендентов на пост главы государства соблюдать элементарные приличия. Предполагалось, что документ подпишут все лидеры политически ответственных общественных сил России, а также генпрокурор, глава МВД и ряд ведущих политологов. Но подписание не состоялось.

Почему ни контракт, ни договор так и не состоялись? Ответы могут быть разные, но причина, видимо, в том, что все подобные попытки отражают стремление групп интересов включить в договор свои узкопартийные и узкокорпоративные цели и ценности. «Общественный договор» постоянно подменяется своего рода «пактом элит» (точнее, части элит).

Распавшись на группы интересов, интеллигенция, или то, что от нее осталось, активно включилась в нормативное подавление «чужих» интересов, используя в том числе методы парламентской борьбы. Представители различных групп знают друг друга хорошо благодаря прямым контактам и опыту взаимодействия, поэтому создавать институты в чьих-либо интересах они могут без особых проблем.

Конечно, нет и не может быть законов, разом удовлетворяющих все группы интересов. Правила, во всяком случае большая их часть, создаются в интересах отдельных социальных групп, а не всего общества. Кто-то становится бенефициаром, а кто-то аутсайдером. Первый получает желаемые преимущества, второй вынужден мириться с поведенческими стандартами, которые ему навязывают другие, выгодными не ему, а другим. Но в условиях 90-х гг. лоббистская деятельность отдельных представителей интеллигенции в очередной раз продемонстрировала ее нигилизм в отношении государства³. Только в начале 2000-х, когда стало ясно, что группы интересов приобрели неконтролируемую политическую власть, их начали обуздывать, чтобы сохранить страну и государственность.

В процессе лоббирования, как показал М. Олсон, всегда находится «забытая» группа интересов. Характерным примером такой группы являются обычные неорганизованные налогоплательщики, не имеющие рычагов влияния на что-либо, пребывающие в «рациональном невежестве», особенно на выборах, и не предпринимающие никаких действий [4 с. 49]. Часто эта группа составляет большую часть общества. Классическая интеллигенция защищала интересы этой группы, что нельзя сказать о современных интеллигентских лобби.

Более того, пренебрежение к народу расцвело в рядах тех, кто преуспел в новых условиях, махровым цветом. Возможно, эти деструктивные позиции связаны с тем, распавшись на группы интересов, интеллигенция так и не стала средним классом, интересы которого во многом формируют господствующую политическую культуру. Советская интеллигенция претендовала на то, чтобы заполнить именно эту социальную нишу. На это рассчитывала и постсоветская интеллигенция. Однако жизнь распорядилась по-своему.

Подводя итоги, есть все основания говорить о конце интеллигенции как своеобразного эндемика интеллектуального «сословия» современного общества. Однако историческая миссия российского образованного класса может быть направлена в положительное русло. Только интеллигенция может вернуть российскому обществу идеалы, ценности и смыслы, без которых оно неминуемо дезинтегрируется. Речь идет не об интеллектуальном опекунстве, а о национальных целях развития, о будущем.

³ По силе практического отрицания и по количеству образованных людей, втянутых в водоворот отрицания, – российскому нигилизму нет равных. В 1917 и в 1991 году это было очевидно. Но и на протяжении 1990-х гг. неприятие государства было маркером большого количества групп интересов.

Извечные русские вопросы остались. Но если вместо интеллигенции появятся обозленные рыночными реформами специалисты, лишь условно сопоставимые с интеллектуалами западного типа и тщетно пытающиеся найти свое место на мировом интеллектуальном рынке, понять Россию умом будет некому.

Каковы перспективы существования и развития тех устойчивых профессиональных групп, которые основаны на длительном образовании высокого уровня и обладают значимыми профессиональными компетенциями? В чем их политическая и духовная миссия в конструировании социальных институтов?

Нужно иметь в виду, что сила интеллигентской оппозиции обратно пропорциональна силе такого института, как партия. При слабости партийной системы, что можно отнести к институциональному наследию СССР, интеллигенция как политическая субкультура не может окончательно сойти со сцены.

Экспертное научное сообщество должно дать четкую установку на детальное (эмпирическое) изучение результатов деятельности институтов, чтобы найти основания институционального развития страны. Как показал Б. Артур, за пределами определенной степени усложнения общества наш логический аппарат перестает «справляться с обязанностями» [5]. Это прямо относится к институциональному творчеству, которое постоянно сталкивается с когнитивными ограничениями.

Кроме того, при формировании институтов обратная связь (отклик со стороны общества) всегда крайне запутанна. Поэтому создание и корректировка принятой регулятивной модели требует больших интеллектуальных усилий подготовленных профессионалов.

Переговорные практики между народом и властью пока не складываются. Власть ни с кем и ни о чем договариваться не умеет и в ближайшее время не будет. Экспертному сообществу, аналитикам СМИ остается лишь взволнованно обсуждать: подала власть сигнал или не подала, а если подала, то какой? А должно быть наоборот – власть должна ловить сигналы, подаваемые обществом, и пытаться сыграть на опережение. Эти сигналы может подать только интеллигенция.

Литература

1. *Куренной В.* Интеллектуалы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 5–26.
2. *Диманс С.Л., Левичева В.Ф.* Люди и нормы: институты VS неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018. 304 с.

3. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010. 66 с.
4. *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. С. 154–155.
5. *Arthur W.B.* Inductive reasoning and bounded rationality // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84 (2). P. 406–411.

References

1. Kurennoi V. Intellectuals. V: Kurennoi V, ed. Thinking Russia. Cartography of contemporary intellectual areas. Moscow: Naslediye Evrazii Publ.; 2006. P. 5-26. (In Russ.)
2. Dimans SL., Levicheva VF. People and norms: institutions VS informal practices. Moscow: Klyuch-S Publ.; 2018. 304 p. (In Russ.)
3. Russia of the XXI century. The image of the desired tomorrow. Moscow: Ekon-inform Publ.; 2010. 66 p. (In Russ.)
4. Olson M. Logic of collective action. Public goods and group theory. Moscow: FEI Publ.; 1995. p. 154-55. (In Russ.)
5. Arthur WB. Inductive reasoning and bounded rationality. *American Economic Review*. 1994;84:406-11. (In Russ.)

Информация об авторах

Валентина Ф. Левичева, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; levvf@mail.ru

Сергей Л. Диманс, кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия физической культуры, Московская обл., пос. Малаховка, Россия; 140033, Россия, Московская обл., Малаховка, ул. Шоссейная, д. 33; dimsl51@mail.ru

Information about the authors

Valentina F. Levicheva, Dr. in Philosophy, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; levvf@mail.ru

Sergey L. Dimans, PhD in Economics, associate professor, Moscow State Academy of Physical Education, Moscow region, Malakhovka vl., Russia; bld. 33, Shosseynaya str., Moscow region, Malakhovka, 140033, Russia; dimsl51@mail.ru